

УДК 656.612.004.67.001.7 (571.63)

Демьяненко А.Н., Дятлова Л.А., Украинский В.Н.

Школа «Анналов» и её вклад в исследование экономического пространства

School «Annals» and its contribution to the study of the economic space

---

Представленная работа посвящена рассмотрению методологических принципов французской исторической школы «Анналов» и выявлению возможностей их применения в решении проблем пространственной экономики.

Ключевые слова: *экономическое пространство, пространственная экономика, методология, школа «Анналов», междисциплинарные исследования.*

This work is devoted to the methodological principles of the French historical school «Annals» and reveals the opportunities for their use in solving the problems of the spatial economy.

Key words: *economic space, spatial economics, methodology, school «Annals,» interdisciplinary studies.*

Введение

На первый взгляд, обращение к работам представителей французской исторической школы «Анналов» в контексте проблем пространственной экономики, как минимум, не совсем уместно. Однако не всё так просто. Дело в том, что ряд методологических положений впервые сформулированных именно в рамках этой школы, имеет непосредственное отношение к исследованию пространственных проявлений экономической деятельности. Более того, есть все основания считать, что эти методологические подходы могут быть не бесполезны и при разработке той области экономической науки, которая всё чаще обозначается как пространственная экономика¹.

Но все-таки для начала кратко о том, что есть школа «Анналов». Прежде чем дать краткую «биографическую справку», процитируем Р. Буайе, характеризующего тот исторический контекст, в котором происходило формирование школы «Анналов»: «в один из самых беспокойных

ДЕМЬЯНЕНКО Александр Николаевич, д.г.н., главный научный сотрудник Института экономических исследований ДВО РАН (г. Хабаровск). **E-mail:** demyanenko@ecrin.ru

ДЯТЛОВА Любовь Александровна, к.г.н., заместитель директора АНО «Хабаровская школа управления» (г. Хабаровск). **E-mail:** pavel_130975@mail.ru

УКРАИНСКИЙ Вадим Николаевич, старший консультант-аналитик Хабаровской школы управления (г. Хабаровск). **E-mail:** schtirl@rochtamt.ru

¹ Отметим, что авторы придерживаются точки зрения на пространственную экономику, изложенную в: [27].

исторических периодов в противовес несколько догматическому характеру официального марксизма возникла школа «Анналов»» [13, с. 76].

Итак, всё началось с журнала «Анналы экономической истории»¹, который в 1929 г. в Страсбурге стали издавать Марк Блок и Люсьен Февр². Этот журнал сыграл огромную роль в становлении школы «Анналов», на его страницах были сформулированы те методологические позиции, которые, дали основание говорить о «новой исторической школе». Отличительная черта этой школы: отход от «коллекционирования фактов» и переход к «истории-проблеме», т.е. к поиску в прошлом ответов на актуальные проблемы современности. Еще одна характерная черта «школы Анналов» на этапе становления: отказ от политической истории в пользу исследования социальных и экономических структур и процессов.

Наконец, особо следует отметить, что отцы-основатели «школы Анналов» заложили традицию, которая сохранилась до настоящего времени и которую можно обозначить, как стремление к междисциплинарным исследованиям.

Несмотря на сказанное выше, следует иметь в виду, что «Анналь» первого поколения (поколения Блока и Февра) были живым, задиристым, боевым, но ещё мало влиятельным журналом³. Хотя после издания ряда фундаментальных работ М. Блока [3-5] и появления первых учеников и последователей, школа, несомненно, получила, как минимум, европейскую известность.

Новый этап в развитии и журнала и школы «Анналов» начинается с середины 50-х годов, когда, после смерти Л. Февра, во главе журнала «Анналы: Экономика. Общества. Цивилизации» стал Ф. Бродель⁴, несомненно, наиболее известный представитель «второй волны» школы «Анналов». Характерной особенностью этого этапа стала попытка объединения всех наук о человеке. При этом предполагалось, что в изучении истории следовало, как можно шире применять количественные методы.

Именно под руководством Ф. Броделя «Анналь» превратились в самый авторитетный, всемирно известный исторический журнал, освещавший, главным образом, экономические и социальные процессы боль-

---

¹ Это название журнал сохранял до 1941 г. В годы оккупации регулярное издание журнала было прервано (выходили неперIODические «Сборники социальной истории» под редакцией Л. Февра), а с 1944 г. он стал выходить в Париже под названием «Анналы социальной истории» (*Annales d'histoire sociale*), а с 1946 г. – «Анналы: Экономика. Общества. Цивилизации»; наконец, с 1994 г. по настоящее время – «Анналы. История, социальные науки».

² Марк Блок (Marc Léopold Benjamin Bloch; 1886 – 1944) французский историк автор трудов по западноевропейскому феодализму, аграрным отношениям во Франции, общим проблемам методологии истории, участник I и II Мировых войн, погиб, участвуя во французском движении Сопротивления. Совместно с Люсьеном Февром (Lucien Febvre; 1978-1956) разработал методологические основы «новой исторической школы» известной также как школа «Анналов» по названию журнала, который с момента основания по настоящее время является одним из наиболее авторитетных изданий по проблемам экономической и социальной истории.

³ По оценке Ф. Броделя, приведённой В.П. Смирновым [30], у них насчитывалось не больше 300-400 читателей во Франции и около 100 в Италии.

⁴ Фернан Бродель (Fernand Braudel, 1902 – 1985) – академик Французской академии, член-корреспондент 10 зарубежных академий, почётный доктор 18 университетов, основатель «геоистории» и «глобальной истории», один из основоположников «новой исторической науки». С 1949 г. помимо руководства журналом «Анналь» и осуществлял руководство ещё двумя крупными научными центрами – Шестой секцией Практической школы высших исследований и кафедрой в «Коллеж де Франс». В США создан Центр Фернана Броделя, который с 1977 г. издаёт журнал «Review. A journal of the Fernand Braudel Center for the study of Economies, Historical Systems and Civilizations».

шой длительности на стыке истории, экономики, географии и социологии. Именно в это время журнал, по выражению Жака Ревеля, одного из руководителей современных «Анналов», «стал своего рода фирменным знаком французской исторической науки» [29, с. 65].

Следующий этап в истории «Анналов» начался в конце 70-х годов, когда к руководству журнала пришли представители «третьей волны»: Жак Ле Гофф, Эммануэль Ле Руа Ладюри, Марк Ферро¹. В 1979 г. в программном заявлении редакция выказала намерение обновить тематику прежде всего за счет политико-событийной истории и истории новейшего времени. С точки зрения объекта исследования, это был отход не только от традиций М. Блока и Л. Февра, для которых отказ от событийной и политической истории был важной частью историографического поворота, но и от броделевской истории структур и процессов большой длительности. Но отход от традиций предшественников в выборе объектов исследования, не сказался на методологии и методах исследования. Здесь авторы разделяют оценку ситуации, данную Л.А. Пименовой: «Обращение к истории индивидов и событий означает не возврат к той истории, что писалась до Блока и Февра, а проникновение современных принципов и методов научного анализа в область биографической, политической и событийной истории» [28, с. 206].

Таким образом, можно констатировать, что, несмотря на почтенный возраст школа «Анналов», это вовсе не объект истории науки, а вполне успешно развивающаяся часть научного сообщества, опирающаяся на вполне отчетливо оформившуюся методологию исследования. Хотя в последнее десятилетие время от времени появлялись публикации (в том числе и на страницах «Анналов»), в которых говорилось о кризисе школы. Очевидно, в этом есть доля правды (может быть даже и большая), но судить об этом из российского далека дело не благодарное.

Наверное, на этом можно было бы завершить общее знакомство с историей «Анналов», но есть один сюжет, который следует хотя бы обозначить: контакты представителей школы «Анналов» с отечественными историками, которые, как это может показаться неожиданным (не для историков), были прочными и длительными. Трудно сказать, каковы истоки этого взаимоотношения, но за отправную точку можно взять публикацию в 1957 году на русском языке монографии М. Блока «Характерные черты французской аграрной истории» (к этой работе мы ещё вернёмся) с предисловием А.Д. Люблинской, которое в свою очередь было опубликовано в «Анналах». Комментируя это предисловие и приветствуя сам факт издания русского перевода работы М. Блока, Ф. Бродель категорически отвергает столь близкое сердцу отечественных историков-марксистов навешивание ярлыков².

Примерно в это же время на страницах «Анналов» появляется статья Базиля Керблая [41]. В последующем «русская тема» неоднократно и по разным случаям (НЭП, советская экономика в годы Второй мировой войны, возникновение культа личности В.И. Ленина и т.д. и т.п.) появлялась в журнале. Причём до середины 80-х годов прошлого века полноценного диалога не получалось. Если авторы «Анналов» занимались исследованием различных сторон становления и развития тех или иных

¹ Формально Ф. Бродель оставался в руководстве журнала до своей смерти, но фактически отошёл от дел в 1969 г.

² Впрочем, самому Ф. Броделю было на роду написано служить мишенью для политизированной критики и не только со стороны советских историков, но и со стороны французских коммунистов и даже студентов, а также молодых коллег, прошедших школу студенческих бунтов 1968 года.

социальных и экономических структур в России (и СССР)¹, то работы отечественных авторов по большей части имели своей целью анализ методологических основ французской «новой исторической науки»², естественно, с марксистских позиций. Ситуация стала меняться во второй половине 80-х годов XX века, когда начинается публикация переводов на русский язык фундаментальных работ Л. Февра, Ф. Броделя, Ж. Ле Гоффа и Э. Ле Руа Ладюри, в первую очередь.

С этого момента работы представителей школы «Анналов» стали доступны не только для достаточно узкого круга специалистов по проблемам французской историографии, но и для представителей смежных отраслей знания, в том числе и экономики. И той её части, которая имеет отношение к проблемам эволюции пространственных форм проявления экономической деятельности. Авторы посчитали бы большой удачей, если бы им удалось привлечь внимание как можно более широкого круга специалистов к достижениям школы «Анналов». Ибо, к сожалению, в настоящее время в лучшем случае можно встретить ссылки на трехтомную монографию Ф. Броделя [6-8].

Школа «Анналов»: основные черты методологии

Итак, закончив с «биографической справкой» школы «Анналов», следует попытаться по возможности кратко рассмотреть основные положения методологии исторических исследований, присущих представителям этой научной школы.

Естественно, что эта тема неоднократно обсуждалась отечественными историками [1, 14-21; 28, 30], но она практически осталась вне поля зрения специалистов в области экономики и географии³.

И это несмотря на то, что к настоящему времени были переведены основные работы представителей школы «Анналов», в которых в той или иной мере рассматриваются эволюционные процессы в экономических структурах, в том числе и пространственные проявления экономической жизни.

Начнём с того, что в работах М. Блока, Л. Февра, а затем Ф. Броделя и Ж. Ле Гоффа [3-12; 15, 25, 26, 34-36, 38] было выдвинуто и в последующем обосновано положение, согласно которому на смену повествовательному описанию исторических фактов выдвигается принцип «история проблемы»⁴.

Иначе говоря, задача исследователя видится в поиске в отдаленном или не в очень отдаленном прошлом ответа на вопрос: в чём причины современных проблем, с которыми сталкивается современное общество,

¹ К этому следует добавить, что ряд представителей, причём весьма авторитетных (Ф. Бродель, Ж. Ле Гофф) школы «Анналов» публиковались и в СССР, прежде всего на страницах «Французского ежегодника». Более того, до настоящего времени представители школы «Анналов» (впрочем, как и представители англо-саксонской школы экономической истории) вовсе не прочь использовать в своих исследованиях теоретические концепции русских экономистов, в частности теорию крестьянского хозяйства А.В. Чаянова. См., например [24].

² При этом большая часть публикаций отечественных авторов посвящённых истории Франции, при несомненном их качестве, что неоднократно отмечали их французские коллеги, всё-таки находились за пределами проблемной области школы «Анналов».

³ Судя по всему, проблема небрежения к работам школы «Анналов», лишь проявление более общей проблемы. Её можно сформулировать следующим образом: потеря традиции ретроспективного анализа в отечественной научном сообществе, изучающем пространственные (и не только) проявления экономической деятельности.

⁴ Означает ли это, что описания есть нечто, чем можно пренебречь идёт ли речь об истории, географии или экономики? Конечно, нет, но любое описание не более, чем этап анализа, а поэтому, в подавляющем большинстве случаев, – не самоцель.

или отдельные его институты, те или иные социальные группы и т. д.¹

Это крайне важное положение, имеющее значение не только для методологии истории, но и для методологии пространственной экономики. Увы, но авторам неоднократно приходилось слышать: «О чём вы говорите? За сто лет прошла коллективизация и индустриализация, а поэтому нечего нам рассказывать о том, что было сто лет назад. Сейчас всё по-другому!!!»².

И не Бог весть, какая беда, если бы всё ограничивалось такого рода высказываниями. Много хуже то, что со страниц экономической научной периодики практически исчезли работы посвящённые изучению экономической истории России, истории отечественной экономической мысли. Что же касается монографических исследований, посвящённых данной проблематике, то их – считанные единицы. И это происходит на фоне многочисленных ссылок на исторический опыт, и реже – призывов к его изучению.

Но можно пойти и по другому пути. Действительно, многое меняется, но многое остается практически неизменным. Остаются проблемы, решение которых зачастую невозможно, без всестороннего изучения предшествующих этапов эволюции экономических систем, без выявления и оценки исторического опыта. К тому же многие экономические процессы отличаются явно выраженной цикличностью, не говоря уже о том, что в настоящем времени функционируют экономические механизмы, имеющие «заложение» в весьма далеком прошлом.

Именно в этом контексте для нас особое значение имеют следующие методологические положения, сформулированные в рамках школы «Анналов».

Во-первых, *историю нельзя отрывать от современности, именно современность ставит перед исследователем проблемы, подлежащие изучению*. Иными словами, исследователь должен задавать прошлому те вопросы, которые существенны для современности и дают возможность завязать с людьми другой эпохи продуктивный диалог.

Поэтому, начало исследования – не «сбор материала», а постановка проблемы и разработка системы вопросов (задач), которые исследователь ставит перед источниками.

Нетрудно заметить, что в этом отношении представители школы «Анналов» действуют как заправские «системщики». Очевидно, это не случайно: отказ от изучения отдельных фактов и процессов, изолированных от общего движения истории, и выдвигание на первый план массовых явлений – переход на качественно новый уровень сложности³.

Наверное, не случайно в сфере корпоративного менеджмента, когда он сталкивается с масштабными проблемами, всякий раз возникает потребность понять причины возникновения проблемных ситуаций и нередко ответы находятся в прошлом. Впрочем, обращение к прошлому – это вовсе не поиск «интересных фактов» и «поучительных уроков». Это вполне логически выдержанная процедура, которая начинается с

¹ Здесь следует иметь в виду, что поиск истоков (или как у М. Блока – «проклятие истоков») скорее ложная проблема, чем проблема научного исследования.

² Здесь, конечно, можно напомнить оппонентам: «Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем» (Еккл 1: 9). Но законы жанра требуют, чтобы авторы предоставили аргументацию и научного свойства, что они по мере своих сил и возможностей и представили.

³ Это означает переход к исследованию сверхсложных систем, что неизбежно ведёт к использованию методологии системного подхода в историческом исследовании. Коль речь зашла о системном подходе, то следует отметить, что таковой (во всяком случае, его элементы), явно присутствует и в работах отечественных экономистов-аграрников начала XX в., т.е. задолго до появления первых работ Л. Берталанфи.

описания проблемы и критики источников¹, а заканчивается выяснением того, в какой точке эволюционного процесса мы находимся и в какой мере события и решения, принятые в прошлом, оказывают влияние на сегодняшнюю ситуацию. Ибо, как справедливо отмечал М. Блок, вовсе нередки случаи, когда «прошлое господствует над настоящим» [5, с. 313]. Хрестоматийным примером служит не только традиционное хозяйство малочисленных народов, но и сельская экономика в целом.

Но вполне резонно расширить сферу ретроспективного анализа путем включения его, как элемента стратегического анализа, когда мы имеем дело с разработкой региональных стратегий. Это обусловлено тем, что в эпоху массового стратегирования, для начала не плохо бы разобраться с тем, а нужна ли конкретному региону новая стратегия или сложившиеся (как правило, спонтанно) региональные стратегии вполне приемлемы в обозримой перспективе.

Здесь будет уместно привести мнение современного исследователя: «Вообще говоря, стратегия экономического (социально-экономического) развития нужна не для всех объектов и не во все времена. История «кусочно-линейна» и периоды стабильности, линейности сменяются периодами высокой волатильности, турбулентности. И именно в такие периоды полифуркации стратегия как план действия становится необходимой» [31, с. 6-7].

Во-вторых, декларируемый представителями школы Анналов *отказ от изучения отдельных обособленных и неповторяющихся явлений и выдвигание на первый план исследования массовых явлений требует усиления интеграции с другими науками*, и в том числе с географией, экономикой, социологией и прочими смежными дисциплинами. Иначе говоря, встав на путь изучения проблемной ситуации, мы вольно или невольно должны выйти за жесткие рамки той или иной научной дисциплины и быть готовыми к проведению междисциплинарного исследования.

Здесь следует подчеркнуть, как минимум два обстоятельства: первое – именно синтез, а не эклектика, и второе – мало желать синтеза, нужно ещё и мочь, а это требует, помимо всего прочего, вполне определённого типа организации научных исследований. Данный тип организации, в свою очередь, предполагает, что исследователь должен как минимум владеть двумя языками описания научной проблемы, т.е. помимо языка исторической науки, языками тех наук, которые имеют непосредственное отношение к исследуемой проблеме: социологии, экономики, географии и других, образующих в конечном итоге совокупность наук о человеке и его поведении².

Второе обстоятельство, которое способствовало междисциплинарному синтезу, это – организация исследовательской деятельности в университетах Франции в первой трети XX века, и в Страсбургском, в частности. Чтобы дать читателю возможность самому ощутить и понять, что представляли собой тридцатые годы, дадим возможность высказаться Люсьену Февру: «Что за славные то были годы – тридцатые годы в Страсбурге! Славные годы яростного, самоотверженного и плодотворно-

¹ Здесь будет уместно обратить внимание на то, что «критика источников» имеет место в современной отечественной экономической науке. Только заканчивается она на том, что констатируется хорошо известный факт: информация, предоставляемая органами государственной статистики, не всегда достоверна. Следующий шаг: выяснение, в каких пределах можно доверять этой информации, делается крайне редко. Ещё реже делается попытка сравнения информации из разных источников. И уж совсем экзотика: экспедиционные (полевые) исследования, для получения информации под свою исследовательскую задачу.

² В этой связи показательно, что М. Блок характеризуется своим старшим товарищем Л. Февром, и как историк, и как географ [34].

го труда. И что за невероятное стечение обстоятельств способствовало успеху этой работы!».

Теперь об обстоятельствах: «прежде всего дружеские связи, не только отличавшиеся горячей сердечностью, но и служившие источником взаимного соревнования». Затем, «ни Блок, ни я, ни остальные наши коллеги не замыкались в стенах нашего факультета». К тому же, как свидетельствует Л. Февр: «Посещали нас и временные гости». И среди этих гостей не только великий Сильвен Леви и другие французские ученые, но и зарубежные гости, среди которых Анри Пиренн. «Словом, нас окружали звезды первой величины». И ещё один штрих: «А фоном этому созвездию служила наша библиотека Страсбургского университета, чьи манящие взор сокровища всегда были у нас под рукой» [34, с. 137].

Впрочем, страсбургские ученые не только принимали гостей, но и сами были желанными гостями. Так, М. Блок «активно и достойно представлял Францию в Брюсселе, Генте, Мадриде, Лондоне и Оксфорде – особенно в Лондоне, где перед компетентной аудиторией Лондонской школы экономики был прочитан блестящий доклад ... «Французская сеньория и английский минор» [34, с. 137].

Итак, что в сухом остатке? Не так уж и мало. Оказывается, что для организации успешных междисциплинарных исследований необходимы талантливые исследователи, которые в состоянии выстроить доверительные отношения со специалистами из смежных отраслей знаний, при этом нужно, чтобы исследователи были вовлечены не только в отечественные, но и международные сети научных коммуникаций, и, наконец, они должны иметь возможность пользоваться услугами первоклассной научной библиотеки. Но при всем при том следует помнить, что всё перечисленные выше условия: «невероятное стечение обстоятельств». Поэтому, когда слышны призывы о том, что нужно создавать научные школы, более того, когда на сайтах тех или иных научных учреждений и особенно вузов находишь десятки научных школ, то невольно приходишь к выводу: есть школы и есть школы.

Что же касается конкретных взаимодействий, то обычно, когда речь заходит о междисциплинарности, как о характерной черте исследований, выполненных в рамках школы «Анналов», вспоминают, и не без основания, социологию. И это, действительно, так. Работы социологов начала XX века и в первую очередь Э. Дюркгейма оказали существенное влияние и на становление научного направления, и на его последующее развитие. Показательна в этом отношении работа М. Блока [38], опубликованная в 1932 г. на страницах «Анналов». В данной статье историк рассматривает проблему соответствия между природными регионами (т.е. географическими объектами) и социальными группами, которые, вне всякого сомнения, являются объектами социологии.

Другое направление междисциплинарных исследований, реализованное в рамках школы «Анналов», – взаимодействие историков и географов. Суть этого взаимодействия заключается в том, что «для нас география станет способом по-новому прочесть, оценить, истолковать прошлое Франции в соответствии, разумеется, с нашими собственными научными интересами. Впрочем, географии это ничуть не противопоказано» [9, с. 19].

Более того, в ходе интенсивного обмена идеями и методами на стыке истории и географии, усилиями, прежде всего, Ф. Броделя (но не только его), возникло специфическое научное направление – «геоистория» или, другими словами, историческая география¹.

Подробно влияние школы «Анналов» на французскую географию

¹ В данном случае историческая география, это – не вспомогательная историческая дисциплина, а пограничная научная дисциплина, находящаяся на стыке двух систем

рассмотрено в монографии А. Баттимер [2]. Поэтому здесь мы ограничимся следующими высказываниями французских географов, приведенных в упомянутой книге. Жорж: «Любое воздействие со стороны школы Люсьена Февра и Марка Блока было для нас крайне важным»; Папи: «Annales оказывали, бесспорно, влияние на географов, поскольку удавалось оценить перспективы, открывавшиеся перед историками» [2, с. 191-192]¹.

К этому следует добавить, что и французские географы, оказывали обратное воздействие на последователей школы «Анналов». И это во все не удивительно: и Л. Февр, и особенно М. Блок испытали большое влияние со стороны П. Видаля де ла Блаша². Это воздействие осуществлялось главным образом не столько в теоретическом плане, сколько в инструментарном. Здесь, возможно, следует напомнить, что Видаля де ла Блаш акцентировал внимание на изучении взаимосвязей между человеком и непосредственно окружающей его средой. Как правило, такого рода исследования осуществлялись путем исследования относительно небольших однородных (по условиям жизнедеятельности человека) территориальных образований, за которыми закрепилось название «пеи» (pays). Причём особое значение приобретает «образ жизни». Этим термином во французской географии обозначали поведенческий паттерн, который вырабатывало население, проживающее в пределах того или иного «пея».

Отсюда всего лишь один шаг до следующего методологического посыла, свойственного школе «Анналов», который может быть обозначен, как *особое внимание к исследованию истории ментальностей*, т. е. не сформулированных чётко и не вполне осознаваемых манер мыслить, подчас лишенных логики умственных образов, которые присущи данной эпохе и/или определённой социальной группе. Эти способы ориентации в социальном и природном мире представляют собой своего рода автоматизмы мысли; люди пользуются ими, не вдумываясь в них и не замечая их. Но эти внеличностные установки сознания приобретают тем более принудительный характер, что они не осознаются. «В основе этого перемещения центра научных интересов, – как справедливо отмечал А.Я. Гуревич, – лежит стремление преодолеть тот барьер, который существует между социально-экономической историей, с одной стороны, и историей духовной жизни, с другой» [16, с. 79].

Особенно важно изучение истории ментальностей для сельского общества и сельской экономики, характеризующимися медленными изменениями, отследить которые зачастую можно, только оперируя «временем большой протяженности». Это далеко не всегда осознается современными реформаторами, которые искренне верят, что если в рамках

научного знания – географии и истории. В нашем отечестве ближе всех к такой трактовке исторической географии подошёл Л.Н. Гумилёв.

¹ О том, что этот сюжет, а шире проблема междисциплинарного синтеза в рамках школы «Анналов» всё ещё остаётся объектом научных исследований, свидетельствуют многочисленные публикации, среди которых особо следует отметить монографию С. Фридман «Марк Блок социология и география» [40]. Показательно, что рецензии на эту работу появились практически одновременно и во Франции, и за рубежом, что само по себе весьма показательно [42].

² О П. Видале де ла Блаше и французской географии конца XIX – начала XX веков в: [22]. Что же касается современного состояния французской экономической географии и влияния на её становление Видаля де ла Блаша: [37]. В частности в этой работе мы находим следующую характеристику: «Видаля де ла Блаш наглядно продемонстрировал пространственное понимание экономической деятельности, в которую вовлечены две противостоящие силы: концентрация и дисперсия. Он исследовал роль транспорта, концентрации и поляризации экономической деятельности, городов как структурных элементов регионального пространства в формировании этих сил» [37, р. 323].

национального проекта обеспечить определённый уровень инвестиций в сельское хозяйство, ввести (а не вырастить) те или иные институты, то и проблем в сельской местности просто не останется.

Впрочем, в последние годы становится всё более очевидным, что проблема ментальностей выходит далеко за рамки социальной психологии и истории и всё чаще становится объектом исследования в экономике и менеджменте.

Непосредственно с проблемой изучения истории ментальностей связано ещё одно важное в методологическом отношении положение, а именно: *представление о множественности временных ритмов*. Переход от понятия «монолитное время событийной истории» к понятию «спектр социальных времен», включающему как «время большой протяженности», так и время более быстрых изменений вплоть до краткого, «нервного» времени событий, сопровождался сосредоточением внимания ученых на времени медленных, подспудных изменений. Ф. Бродель особо подчеркивал необходимость включения в поле зрения историков не одних только динамических изменений, но и статических состояний, когда история как бы неподвижна. Именно на этом уровне изучается история ментальностей, ибо они отличаются, как правило, чрезвычайной стабильностью, изменения их заметны только при рассмотрении больших отрезков истории.

В основу представления о множественности временных ритмов Ф. Броделем и его единомышленниками была положена своеобразная концепция «иерархии сил», действующих в истории. Согласно этой концепции различают три основные группы факторов, обладающих собственными ритмами: «постоянства», «структуры» и «конъюнктуры».

«Постоянства» характеризуют, прежде всего, природно-географические условия, в которых существует и развивается общество. «Структуры» это долговременные факторы истории, экономика, социальные институты, духовный строй общества. «Конъюнктуры», напротив, быстро изменчивы; таковы по большей части события политической жизни, изменения в объёмах производства, цен, заработной платы и т. п.

Для нас важно то обстоятельство, что процессы, обладающие различной ритмикой, а равно и структуры, формируемые ими, отличаются сложной пространственной организацией. Это, в частности, находит своё отражение в различной степени освоённости территории и различной степени вовлечённости отдельных местностей в рыночные отношения.

В методологическом плане весьма значимо и *представление о трёхслойной структуре экономики*, разработанное главным образом Ф. Броделем. Сразу же оговоримся, что Ф. Бродель не был здесь пионером. При желании сходные и близкие идеи можно без труда найти и у Дж. Гэлбрейта, и у В.И. Ленина, на что указывает и сам Ф. Бродель. Новизна здесь заключается в другом – концепция трёхслойной структуры экономики используется как инструмент историко-экономического анализа. Ф. Бродель использует этот инструмент для выявления причин становления капитализма, как экономической системы, хотя это вовсе не означает, что этот инструмент не может быть использован не только на уровне мирового хозяйства, но и на других уровнях (региональном и, возможно, локальном).

Если коротко, то трёхслойная структура экономики по Броделю выглядит следующим образом. Под рынком (рыночной экономикой) находится «элементарная «базовая» деятельность, которая встречается повсеместно и масштабы которой попросту фантастичны» [6, с. 34]. Для этой экономики самодостаточности весьма характерно то, что обмен продуктов и услуг протекает в весьма ограниченном пространстве и,

как правило, такая экономическая структура чаще всего встречалась и встречается до сих пор в сельской местности. По этой причине не может быть полноценного изучения истории аграрной экономики и сельского общества в целом, «если невозможно систематически проследить жизнь людей ниже «этажа» рынка» [7, с. 46].

Рынок по Ф. Броделю это и процесс, и результат этого процесса – система, т.е. рынок, с одной стороны, это процесс, образованный совокупностью всех форм обмена, стоит им лишь выйти за рамки самодостаточности, а, с другой, – рынок может быть отождествлен с понятием «рыночная экономика», иными словами, с определённой экономической системой. При этом независимо от того, в каком из двух упомянутых выше смыслах мы рассматриваем «рынок», он всегда (или почти всегда) гетерохронное образование. Чем выше иерархический уровень «рынка», тем больше вероятность встретить в его структуре элементы, возникшие в разные исторические эпохи. В свою очередь над рынком, по мнению Ф. Броделя, «возвышаются активные иерархические социальные структуры» [6, с. 34].

Наконец, последнее по порядку, но не значению, во всяком случае, для авторов данной статьи, положение: пространство это то, что формирует разнообразие социальных и экономических структур. Здесь, по нашему мнению, будет уместно привести мнение Ф. Броделя, который, обосновывая логику своего последнего монографического исследования, одновременно раскрывает характер взаимоотношений между пространством и разнообразием экономических и социальных структур. Итак, «Вначале мы исследуем нашу страну как разнообразный множественный конгломерат автономных краёв» [9, с. 19]. Но эти края (они же «пеи») и области, деревни и города «связаны взаимными обязательствами; рознясь, они дополняют друг друга, а торговля и дороги прошивают всю страну насквозь, скрепляя её ещё прочнее» [9, с. 19].

Далее, следует выявление «тех связей, которые превращают сельские и городские территории в более или менее обширные и упорядоченные структуры» [9, с. 20]. Поэтому «Единой Франции не существует; говорить следует о многих Франциях. Более того, не существует и единой Бретани, перед нами – несколько Бретаней, несколько Провансов, несколько Бургундий, Лотарингий, Франш-Конте и Эльзасов» [9, с. 26]. Тут трудно удержаться от параллелей: если существует много Франций, и нет единой Франции, то что говорить тогда о России? о Дальнем Востоке?

Однако выяснить причины пространственного разнообразия экономических и социальных структур и дать соответствующие объяснения можно «лишь прибегнув к помощи различных наук: должны сказать своё слово география (которая и сама по себе – сумма других наук), экономика, политика (точнее, её история), культурология... Между тем, хотя все гуманитарные науки охватывают сразу несколько уровней реальности, каждая из них лучше всего умеет объяснить лишь один аспект этой реальности» [9, с. 40]. Потому и необходимы междисциплинарные исследования, когда речь заходит о пространственном разнообразии условий и форм экономической деятельности.

*Пространство экономики в исследованиях
представителей школы «Анналов» на этапе становления*

Начнём по порядку с начала, т.е. с того периода в эволюции школы «Анналов», когда происходило заложение её методологических основ и одновременно организационное оформление.

Упростим себе задачу и остановимся лишь на работах Л. Февра и

М. Блока, в которых в той или иной мере рассматривались пространственные аспекты экономической деятельности.

Первая работа, которая сделала известным не только имя её автора, но и нарождающейся научной школы была монография М. Блока «Характерные черты французской аграрной истории», изданная в 1931 г. одновременно в Осло и в Париже. Сразу же отметим, что в ней нет ни одной главы, и ни одного параграфа, который был посвящён целиком пространственной организации экономики, вообще, и сельской в частности. В то же время реальное пространство, в котором разворачивается эволюция аграрной экономики Франции, присутствует повсеместно. Но прежде, приведём цитату из работы М. Блока, которая раскрывает её основной методологический посыл: «Только те работы, которые разумно ограничиваются узкими локальными рамками, могут дать необходимые фактические данные для окончательных решений. Но они почти неспособны поставить большие проблемы. Для этого нужны более широкие перспективы, где основные контуры не подвергаются опасности затеряться в тёмной массе мелких фактов» [5, с. 30].

Действительно аграрная эволюция Франции (но с таким же успехом можно сказать и России) содержит огромное разнообразие проблем. «Проблем невероятно сложных, но и заманчивых. Заслуга Блока в том, что он заметил их, а, заметив, решительно вторгся в этот новый мир и открыл его для всех» [34, с. 134]¹.

Возникает законный вопрос, и каким же образом ему это удалось? Прямого ответа в работе – нет, но он был очевиден для Л. Февра: «стоявшие перед ним проблемы могли, оказывается, проясниться с помощью географии» [34, с. 135]. Здесь буквально напрашиваются аналогии с работами отечественных экономистов, которые, исследуя проблемы эволюции сельского хозяйства России, опять-таки широко и продуктивно использовали инструментарий географической науки².

По большому счету, вся первая глава, посвящённая выявлению и описанию основных этапов освоения земли, представляет собой один сюжет, который анализируется с разных сторон, при этом используются разные источники и инструменты, а именно: каким образом происходило взаимодействие между человеком и природной средой в ходе освоения земельных ресурсов³.

Для нас особый интерес представляло то, каким образом на этом фоне происходила эволюция систем расселения, пожалуй, наиболее показательного и в то же самое время наиболее универсального параметра, описывающего состояние экономического пространства. Так, общество X-XI вв., базировавшееся на крайне слабом освоении земельных

---

¹ Отметим, что вторгся М. Блок в этот мир аграрных проблем не очертя голову, а самым тщательным образом подготовившись. Л. Февр так описал эту подготовку: «Выучил несколько языков, как новых, так и старых. ... В то же самое время начал он приобщаться и к реальным сторонам сельской жизни. К особенностям севооборота. К технике корчевания и расчистки почвы, к технике пахоты и жатвы. И открыл для себя ту необъятную область позональных переписей и планов» [34, с. 134].

² В этой связи можно вспомнить работы А.И. Скворцова, А.С. Ермолова и конечно А.Н. Челинцева, а также организационно-производственную школу в целом. Здесь нет необходимости останавливаться подробно на этом сюжете, тем более, что он был достаточно подробно освещён в целом ряде публикаций в «Пространственной экономике» за 2005 – 2008 гг.

³ Позднее в «Феодалном обществе» [3] М. Блок рассматривает это взаимодействие уже на уровне природная среда и экономика в целом. Много позднее, Ф. Бродель в своей трилогии посвящённой истории Средиземноморья [10-12] сужает временные и пространственные рамки анализа, но добивается большей объясняющей силы в выявлении региональных вариантов взаимодействия экономических и социальных структур, с одной стороны, и природной среды – с другой.

ресурсов, было обществом «разбросанных ячеек, в котором группы людей, маленькие сами по себе, жили, кроме того, далеко друг от друга» [5, с. 45]. Напротив, характеризуя эпоху крупных распахек целины¹, М. Блок обращает внимание на то, что наряду с групповыми поселениями (деревнями разного размера), появляются отдельные крестьянские дворы. При этом он делает весьма важное замечание: «Совсем другое дело – изолированный дом; он предполагает другой социальный режим, другие привычки, возможность и склонность избежать жизни коллективом, локоть к локтю» [5, с. 51]. Иначе говоря, выбор той или иной формы организации экономической деятельности в пространстве, может быть определён не только экономическими причинами, но и ментальными установками.

Интересно и обоснование причин, повлекших около 1300 г. прекращение освоения новых земель. С одной стороны, это дефицит людских ресурсов, но – с другой, и это значимо: «распахка целины могла продолжаться до тех пор, пока это позволяли земледельческие возможности, ибо леса и пустоши нельзя бесконечно превращать в пашни» [5, с. 57-58].

Это в свою очередь связано с тем, что аграрная или точнее сельская экономика, в эпоху крупномасштабных расчисток, и сейчас, и во Франции, и в России, не сводима к экономике сельского хозяйства. Именно это имеет в виду М. Блок, опираясь на многочисленные источники, когда он пишет о том, что «Целые толпы лесовиков, часто возбуждавших подозрения у оседлых людей, бродили по лесам или строили там себе хижины. Это были охотники, углежогы, кузнецы, искатели дикого мёда и воска (...), добыватели золы, которую использовали для выделки стекла или мыла, обдиральщики коры, служившей для дубления кож и плетения верёвок» [5, с. 46].

Но и это ещё не все, так как «главная экономическая роль леса была в другом – в том, чем в наше время мы уже отвыкли его видеть. Свежая листва, молодые побеги, трава подлеска, жёлуди и плоды букковых деревьев леса, прежде всего, кормили скот. Количество свиней, которое могли прокормить различные части леса, было в течение долгих веков, при отсутствии всякого правильного межевания, наиболее обычным мерилом леса. ... Эти стада животных жили почти в диком состоянии» [5, с. 47].

Конечно, теперь стада животных не кормятся дарами леса, и конечно, не бродят по лесам Франции «добыватели золы», но сама природа сельской экономики, её зависимость от состояния природной среды и возможностей её адаптации к антропогенным воздействиям, сохранилась.

Вторая группа вопросов, находившаяся в центре внимания М. Блока, это эволюция землевладения, которая протекает на фоне процесса освоения земель. Для начала приведём описание того, что М. Блок обозначил как «старое землевладение». Итак, «Не было ни одной деревни, ни одного хозяйства, которые бы не отводили под хлеб лучшие свои поля. Хлеб возделывался даже в тех округах, где природа, казалось бы препятствовала этому... Условия жизни долгое время препятствовали всякой рациональной специализации земель... Обмен ... в течение долгих веков был редким и затруднённым ... для того, чтобы в стране установилась экономика, основанная на обмене, для этого недостаточно общей

¹ О значении этого периода в истории не только Франции, но и Европы можно судить по следующему фрагменту из работы М. Блока: «Около 1050 года (в некоторых районах с особо благоприятными условиями, как например в Нормандии или Фландрии, возможно несколько раньше, в других – несколько позже) началась новая эра, которая закончилась только к концу XIII века, – эра крупных распахек целины, давшая, по всей видимости, наибольшее приращение обработанной площади, когда-либо имевшее место в нашей стране с доисторических времён» [5, с. 45-46].

обстановки. Необходимо, чтобы у масс возникла психология покупателя и продавца» [5, с. 63-64].

Такова общая картина. Комментировать здесь практически нечего: все черты присущие сельской экономике того периода, прописаны предельно чётко. Если и есть на что обратить особое внимание, так это на то, что для формирования рыночной экономики недостаточно экономических условий, необходимо, чтобы в массе населения утвердилась «психология покупателя и продавца». Именно этот фактор, к сожалению, не был учтён в России, когда мы все вошли в полосу радикальных рыночных реформ.

Теперь ещё одна цитата, содержание которой даёт основание говорить о том, что хотя зерновое хозяйство доминировало, тем не менее, были и исключения: «земли, расположенные поблизости от большого торгового пути, могли осмелиться нарушать ... традиционные принципы...связи между областями были очень слабые, а вино, благодаря алкоголю и вкусовым качествам, требовалось везде, а также для культовых целей» [5, с. 64-65].

Что же касаемо аграрных порядков, которые существовали во Франции на протяжении нескольких столетий практически в неизменном виде, то здесь целесообразно обратить внимание на следующие выводы, к которым приходит М. Блок, и которые вовсе не потеряли своей актуальности, во всяком случае, для России.

Первый из них – *«Любой аграрный распорядок характеризуется не только последовательностью культур. Каждый из них представляет сложный комплекс технических приёмов и принципов социальной организации»* [5, с. 77]¹.

Очень важный вывод, как говорится, на все времена. К сожалению, насколько он очевиден, настолько он труден для того, чтобы использовать его в процессах реформирования сельской экономики. Так, как с одной стороны, он имеет технологическую составляющую, и в этой части всё достаточно просто: нет техники, удобрений, семян и т.п. – выделяем необходимые финансовые ресурсы и приобретаем всё что необходимо². Что же касается второй составляющей – социальной, то проблемы, корящиеся в ней, не имеют простых решений.

Здесь самое время обратиться к ещё одному выводу, которой был сделан М. Блоком: «Сельское общество состояло из классов, причём резко разграниченных. Однако богатые, как и бедные, подчинялись традиционному закону своей группы, которая была хранительницей, как некоторого социального равновесия, так и соотношений между различными формами обработки земли» [5, с. 89].

Опять-таки трудно кого сейчас удивить тем, что в сельской местности большое значение имеют неформализованные механизмы координации, в том числе и экономической деятельности³. В частности, очень часто забывают, что право это не только совокупность норм и правил, утверждённых законодателем, но и традиционное право. Отсюда возникают неоправданные ожидания, связанные с законодательной деятельностью: будет хороший закон, и всё будет работать как надо.

И ещё одно обстоятельство, на которое обращает М. Блок: «каждый аграрный обычай есть прежде всего выражение определённого образа

¹ Отметим, что этот тезис можно найти и в работах отечественных экономистов, занимавшихся исследованием аграрных проблем в первой четверти XX века.

² Конечно, мы здесь намеренно огрубил ситуацию.

³ У Блока по этому поводу есть замечательное наблюдение: «Общинные сервитуты были обязаны своей основной силой могуществу общественного мнения» [5, с. 239]. В этой связи нам осталось только определиться с ответом на вопрос: а нам нужно общественное мнение?

мыслей» [5, с. 100]. А этот образ мыслей крайне трудно поддается изменениям. Не случайно, идея, что посредством распыления парцелл можно уравнивать шансы всех пользователей общинных угодий, настолько укоренилась в крестьянском сознании, что дожила до времени написания М. Блоком книги.

Наконец, мы подходим, к тому выводу, который интересует нас в наибольшей степени. У Блока он сформулирован следующим образом: «Следует признать, что подобно тому, как языковые явления не легко группируются в диалекты (границы различных лингвистических особенностей не совпадают точно друг с другом), так и явления аграрной жизни нельзя заключить в такие географические рамки, которые были бы строго одинаковыми для всех категорий родственных явлений» [5, с. 103].

Наверное, это суждение справедливо не только в отношении «явлений аграрной жизни». Позднее, Ф. Бродель облёк это суждение в форму вопроса: «В самом деле, какие границы, можно установить, когда речь идёт не о растениях или о животных, рельефе или климате, но о людях, не стесняемых никакими рамками, преодолевающих все преграды?» [10, с. 237].

Следует ли эти два суждения двух представителей школы «Анналов», принадлежащих разным поколениям, считать свидетельствами принципиальной невозможности установления границ экономических, лингвистических, аграрных и иных районов, порождённых человеческой деятельностью?

Обращение к текстам цитированных выше работ даёт все основания, говорить о том, что, как правило, районы, которыми оперируют исследователи социальных процессов и структур, не отличаются постоянством своих границ. Это справедливо даже в отношении тех структур и процессов, которые отличаются малой изменчивостью. И здесь нет никакого противоречия: природная среда действительно может быть практически неизменной, но социальные («социальное» в данном случае имеет самую широкую трактовку, как антитеза природному) районы формируются в результате деятельности людей¹.

Теперь следует попытаться ответить на вопрос: а зачем в ходе исследования эволюции сельской экономики (или иных столь же сложных социальных структур) следует использовать районирование. Ответ М. Блока: «Учитывая разнообразие промежуточных районов, где всегда были благоприятные условия для процветания смешанных типов, и, оставаясь в стороне различные взаимодействия, можно всё же различить во Франции три главных типа аграрной цивилизации, тесно связанных как с природными условиями, так и с историей общества» [5, с. 103].

Оказывается всё просто: районирование, в основу которого положены, с одной стороны факторы природного характера, а с другой – социального позволяет выделить типы эволюционных процессов; что само по себе не так уж и мало. Хотя бы уже потому, что выделение типов эволюционных процессов даёт основание для дифференциации государственной аграрной или шире экономической политики.

Опустим детали, имеющие отношение к эволюции сеньориального землевладения во Франции² и отметим лишь несколько результатов, на которые следует обратить внимание.

Это, во-первых, следствие, идущее из констатации того факта, что

¹ Здесь можно вспомнить опять-таки Ф. Броделя: «Средиземноморье ... таково, каким его сделали люди» [10, с. 237].

² Хотя и здесь есть, как минимум один сюжет, представляющий несомненный интерес, который затем вновь возникнет в «Феодалном обществе» – территориальное распространение сеньориального землевладения.

XIV в. во Франции это «завоевание земли буржуазией, быстро укрепившей свои позиции», суть которого заключается в том, что «новым людям присущ новый дух» [5, с. 180-181]. По поводу «нового духа», можно много о чём вспомнить (М. Вебера, Й. Хейзингу), но можно обратиться к А.П. Чехову и его пьесе «Вишнёвый сад».

Во-вторых, «нет ничего выгоднее, чем вести хозяйство самому, но если это делается разумно. А это предполагает постоянное жительство на одном месте» [5, с. 189]. Не здесь ли кроется причина неудач крупных отечественных компаний, которые возжелали войти в агробизнес? Оказывается, есть специфика в организации управления в экономике сельской и в «городской». Нежелание учитывать это обстоятельство, механически перенося системы и процедуры из сферы корпоративного (промышленного, по преимуществу) менеджмента в сферу сельской экономики сопровождается потерями не только экономическими, но и социальными. Но оставим на время современную Россию, и вернёмся к М. Блоку, тем более что анализ социальных групп представляет для нас непосредственный интерес.

В частности, анализируя различные социальные группы, эволюционирующие в рамках сельского общества: деревня, сеньория, семейная община или манс (крестьянское семейное хозяйство) М. Блок всякий раз акцентирует, что эти группы всегда были одновременно и социальной, и территориальной единицей.

Интересно и наблюдение М. Блока о пространственных границах сельской общины, которые, как правило, подчинялись различным правилам (преимущественно неформальным) совместной эксплуатации земельных, лесных и водных ресурсов. Интересно, что когда дело доходило до эксплуатации особо ценных ресурсов, то это служило «иногда причиной объединения более обширных человеческих групп, чем одна деревня». В частности, таковыми были «ширенейские «долины» – конфедерации, скрепляющим элементом которых были пастбища» [5, с. 240]. Иначе говоря, при определённых условиях, обычно при совпадении экономических интересов по поводу совместного использования природных ресурсов, сельские общины формировали территориальные экономические системы, отличавшиеся к тому же устойчивостью.

Что же касается характера границ сельских обществ, то он менялся от места к месту. Так, границы сельской общины были «особенно четкими в областях открытых полей, являвшихся вместе с тем районами очень плотного населения» [5, с. 240]. И, напротив, имели весьма призрачный характер в малонаселённых районах.

Не менее интересны мысли Блока и по поводу агротехнического переворота, который он рассматривает, как явление европейского масштаба. Приведём одну из них: «Кто говорит об истории техники – говорит об истории контактов между умами. Подобно всем другим переменам того же порядка, источником распространения аграрных преобразований стали несколько пунктов, которые оказали своё влияние на людей. Это были министерства или интендантства, где вскоре нашлись люди, ставшие на сторону новой агрономии; сельскохозяйственные общества, официальные более чем на половину; особенно эти более скромные, но и более эффективные центры, которыми становились в самой деревне отдельные разумно обрабатываемые имения. Инициатива редко исходила от крестьян» [5, с. 280].

Комментировать здесь практически нечего – всё достаточно очевидно, как, впрочем, и напрашивающиеся аналогии с сегодняшней Россией. Нужны не национальные краткосрочные проекты, а систематическая работа, рассчитанная на многие годы, которая предполагает выращивание целого ряда институтов (сельскохозяйственных обществ,

кооперативов, опытных полей и ферм пр. и пр.), так как надеяться, что инициатива будет исходить от крестьян вряд ли стоит, во всяком случае, на начальном этапе реформирования.

Далее было бы логично, рассмотреть, а что же с современной Францией, но современная Франция – это Франция между двумя Мировыми войнами. Поэтому мы ограничимся тем, что вслед за М. Блоком повторим ещё раз: «чтобы показать всё многообразие и основные черты сегодняшней аграрной Франции ... надо прежде всего обратиться к развитию аграрной Франции XV-XVII веков» [5, с. 205].

Если не абсолютизировать место (Франция) и время (XVI-XVII вв.), то очевидно, что это ключевой методологический тезис, причём не только данного исследования, но и всей школы «Анналов». Понять, а следовательно, иметь возможность прогнозировать эволюцию экономических и социальных структур можно, если обратиться к предшествующим этапам, т.е. к истории.

Завершая, конечно не полный обзор работ М. Блока, считаем важным привести мнение его старшего коллеги и единомышленника Л. Февра: «Блок не был поставщиком систем. Он был искателем. «Характерные черты» были для него не самоцелью, а, скорее, отправной точкой» [34, с. 136]. Действительно, далее были «Феодальное общество» и «Апология истории или ремесло историка». И, если в первой из них Блок анализирует процессы эволюции уже не только сельской экономики, но общества в целом, то во второй (своёобразном завещании учёного) он развивает методологию исторического исследования социальных и экономических структур.

Но идеи, заложенные Л. Февром и М. Блоком, оказали влияние и получили развитие не только в работах второго и третьего поколения школы «Анналов», но и послужили отправной точкой для построения теоретических моделей в социологии и экономике.

Здесь невольно приходит мысль о том, что работы Л. Февра и особенно М. Блока во многом предвосхитили теории эволюционной экономики (Р. Нельсон, У. Дж. Уинтер), с одной стороны, и многие идеи, которые затем успешно разрабатывались не одним поколением французских экономистов пространственников (Ф. Перру, Ж. Будвиль, К. Понсар, А. Лишец, Ф. Айдало) – с другой¹. Поэтому не случайно, Франция оказалась той страной, «где богатая традиция политической географии и исторической школы «Анналов» через какое-то время породила множество исследований, в основе которых лежало пространство» [23, с. 70].

Окончание следует

Литература

1. Афанасьев Ю.Н. Фернан Бродель и гуманитарное знание / Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв. Т. I. Структура повседневности: возможное и невозможное / 2-е изд. М.: Весь Мир, 2006. С. XIII-XXVIII.
2. Баттимер А. Путь в географию. М.: Прогресс, 1990. 440 с.
3. Блок М. Феодальное общество. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2003.

---

¹ Подробно о французских экономистах-пространственниках [32].

4. Блок М. Апология истории или ремесло историка. М.: Наука, 1973.
5. Блок М. Характерные черты французской аграрной истории. М.: ИЛ, 1957. 314 с.
6. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв. Т. I. Структура повседневности: возможное и невозможное / 2-е изд. М.: Весь Мир, 2006. 592 с.
7. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв. Т. II. Игры обмена. М.: Прогресс, 1988. 632 с.
8. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв. Т. III. Время мира. М.: Прогресс, 1992. 680 с.
9. Бродель Ф. Что такое Франция? В 2 т. Т. I. Пространство и история. М.: Изд-во имени Сабашниковых, 1994. 406 с.
10. Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II: Ч.I. Роль среды. М.: Языки славянской культуры, 2002. 496 с.
11. Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II: Ч.II. Коллективные судьбы и универсальные сдвиги. М.: Языки славянской культуры, 2003. 808 с.
12. Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II: Ч.III. События. Политика. Люди. М.: Языки славянской культуры, 2004. 640 с.
13. Буайе Р. Теория регуляции. Критический анализ. М.: Наука для общества, 1997. 213 с.
14. Гуревич А.Я. Марк Блок и «Апология истории» / Блок М. Апология истории или ремесло историка. М.: Наука, 1973. С. 170-208.
15. Гуревич А.Я. «Новая историческая школа» во Франции: достижения и трудности / История и историки 1981. М., 1985.
16. Гуревич А.Я. Проблема ментальности в современной историографии / Всеобщая история: дискуссии, новые подходы. Вып.1.М.:1989. С.75-89.
17. Гуревич А.Я. Уроки Люсьена Февра / Февр Л. Бои за историю. М.: Наука, 1991. С.501-541.
18. Гуревич А.Я. Жак Ле Гофф и «новая историческая наука» во Франции / Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М.: Прогресс, 1992.
19. Гуревич А.Я. Фернан Бродель, певец Средиземноморья и «временной большой длительности» / Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II: Ч.III. События. Политика. Люди. М.: Языки славянской культуры, 2004. С.508-535.
20. Даллин В.М. Историки Франции. М., 1981.
21. Демьяненко А.Н., Дятлова Л.А. Школа «Анналов» и геоистория / Демьяненко А.Н. Территориальная организация хозяйства на Дальнем Востоке России. Владивосток: Дальнаука, 2003. С.47-53.
22. Джеймс П., Мартин Дж. Все возможные миры. М.: Прогресс, 1988. 672 с.
23. Китинг М. Новый регионализм в Западной Европе // Логос. 2003. № 6. С.67-116.
24. Ле Гофф Ж. Средневековье и деньги: очерк исторической антропологии. СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2010. 224 с.
25. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М.: Прогресс, 1992. 376 с.
26. Ле Гофф Ж. Существовала ли французская школа «Annales» / Французский ежегодник 1969. М.: Наука, 1970.
27. Минакир П.А., Демьяненко А.Н. Пространственная экономика: эволюция подходов и методология // Пространственная экономика. 2010.

№ 2. С. 6-32.

28. Пименова Л.А. *Анналы: Экономика. Общества. Цивилизации* // THESIS. 1993. № 1. С.203-213.

29. Ревель Ж. *История и социальные науки во Франции. На примере эволюции школы «Анналов»* // Новая и новейшая история. 1998. № 6.

30. Смирнов В.П. Фернан Бродель: жизнь и труды / Французский ежегодник 2002. М.: 2002.

31. Суслов В.И. *Стратегия экономического развития макрорегиона: подходы к разработке, структура, модели* // Регион. 2009. № 4. С.3-32.

32. Украинский В.Н. *Современная французская пространственная экономика: теория близости и типологизация локализованных экономических систем* // Пространственная экономика. 2011. № 2. С.92-126.

33. Февр Л. *Бои за историю*. М.: Наука, 1991. 630 с.

34. Февр Л. *Марк Блок в Страсбурге* / Февр Л. *Бои за историю*. М.: Наука, 1991. С. 13-145.

35. Февр Л. *Проблема «человеческой географии»* / Февр Л. *Бои за историю*. М.: Наука, 1991. С.159-175.

36. Февр Л. *Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II* / Февр Л. *Бои за историю*. М.: Наука, 1991. С.176-186.

37. Benko G., Desbiens C. *French Economic Geography: Introduction to the Special Issue* // *Economic Geography*. 2004. Vol. 80. № 4. Pp.323-327.

38. Bloch M. *Regions naturelles et groupes sociaux* // *Annales d'histoire economique et sociale*. N 17, 1932. Pp.489-510.

39. Braudel F. *Marc Bloc a l'honneur* // *Annales. Economies. Societes. Civilisations*. 1959. № 1. Pp.91-92.

40. Friedman S. W. *Marc Bloch, Sociology and Geography: Encountering Changing Disciplines*. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. 258 p.

41. Kerblay B. *L'evolution de l'alimentation rurale en Russie (1896-1960)* // *Annales. Economies. Societes. Civilisations*. 1962. № 5. Pp.885-913.

42. Pitte J-R. *Quand l'histoire et la geographie se frequentaient* // *Annales de Geographie*/ 1998. № 601. Pp.337-338.